

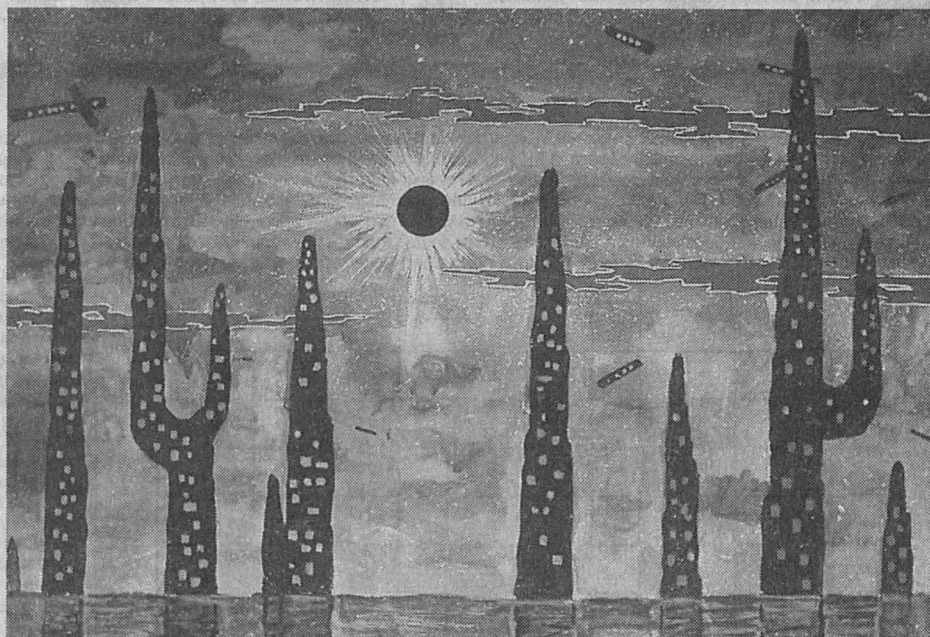
следующий!

Николай Вечтомов
в Третьяковке

Игорь чувилин

Третьяковская галерея, продолжая инвентаризацию художников-шестидесятников, показывает персональную выставку Николая Вечтомова. Автор, известный своими живописными работами, на этот раз представлен графикой 1950—1960-х годов.

Серия выставок в Третьяковке работает как слайд-проектор, постепенно перебирая в памяти персонажей неофициального русского искусства второй половины XX века, хотя национальная галерея официально не заявляла о таком цикле. Персональные выставки героев «другого» искусства происходят, что называется, в рабочем порядке. Причиной тому встречные движения: инициатива, исходящая от художников, и собственный архиваторский инстинкт третьяковцев. Заявки на выставку от художников с какого-то момента посыпались одна за другой. Видимо, срок подошел — ведь большинство авторов, о которых идет речь, достигли семидесятилетних рубежей. Иных уж нет. Выставка Николая Вечтомова едва ли не самая маленькая в этом ряду. Состояние здоровья художника не позволило ему собрать собственные работы по коллекционерам и знакомым. Музей же, не делая лишних движений, попытался обратиться к ситуации себе на пользу и выставил только графику 1950—1960-х годов из фондов Третьяковки и мастерской автора. Живопись Вечтомова хорошо известна. Абстрактно-декоративные пейзажи, использующие сюрреализм и минимализм, — тема, которую он давно застолбил. Да в эту область почти никто больше и не суется: надо обладать особым складом ума, чтобы на протяжении десятилетий рисовать далекие планеты и закрашивать фантастические биоморфные формы ровными слоями краски. Красно-черный колорит и гладкая лакированная поверхность работ стали вечтомовским брендом. Он давно придумал такую манеру, еще до того, как имитация подобных пейзажей стала доступна с помощью персонального компьютера и ребенку.

Декоративная фантастика в работах Николая Вечтомова победила чистую абстракцию (Город черного солнца. 1960 год)

Выставка в Третьяковке показывает как раз тот период, когда все придумывалось. Куратор выставки Андрей Ерофеев напирал на то, что Вечтомов шел в авангарде, — впервые экспонируются ранние абстрактные работы, датированные 1958 годом. Но чем-то похожим занимались в то время многие. Одни — посмотрев привозные выставки, другие — даже не видя ташизма или сюрреализма. Искали почти все, и никто не завоевал первородного права. Зато каждый сделал с найденным что мог. Вечтомов использовал находки особым образом, создав свой «декоративный космизм». На выставке абстрактные «структуры и формы в пространстве», «конструкции» и «упражнения» соседствуют с городами, башнями и прочими объектами фантастической конкретности. Именно она потом победила чистоту формального поиска, зафиксировав узнаваемый вечтомовский стиль на десятилетия. Вечтому — восемьдесят один год. Рассказывая о его биографии, всегда вспоминают фронтовое прошлое, немецкий плен и две попытки побега, одна из которых удалась. После войны учился в Московском городском

художественном училище на одном курсе с Владимиром Немухиным, Лидией Мастерковой и Михаилом Рогинским. Третьяковская выставка показывает, как на рубеже 1950—1960-х годов он старался найти новый способ формообразования, новую художественную логику, снова вернуться к началам рисования. Но в последующем причислении Вечтомова к сонму «нонконформистов» большую роль сыграло не только его искусство, но и место жительства. А жил художник в деревне Виноградово близ поселка Лианозово. В доме напротив жил Евгений Кропивницкий, которого Вечтомов познакомил с Немухиным и Мастерковой. Потом из лагеря вернулся Лев Кропивницкий, периодически приезжал Оскар Рабин. Так сложилось сообщество московских художников, называемое лианозовской группой. Ее существование обеспечило всем участникам место на страницах истории отечественного искусства: ведь группа, даже состоящая из средней руки художников, — явление более заметное в исторической перспективе, нежели россыпь экспериментаторов-одиночек.